

ЗОСИМА ТИЛЬ
МИРЫ ОДНОПОМЁТНЫЕ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

Зосима Тилль

Миры Однопомётные.

Коллекционное издание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42603460

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93343-9

Аннотация

Как многогранен и загадочен мир! Нас окружают вселенные и космос, причём, как в прямом, так и во всех переносных смыслах. Однажды с Аглаей и Мефом случилось Засторонье, и с тех пор они связаны друг с другом Мирами Однопомётными. Однажды увидела свет дебютная повесть Зосимы Тилль "Миры Однопомётные", и, спустя год, она стала визитной карточкой этого автора. Сегодня вниманию читателя предлагается полная авторская версия "Миров...", включающая исходные тексты первых двух глав произведения. Синтаксическая роль "однажды" – обстоятельства. И, чёрт возьми, оно с ней справляется! Иллюстрации автора.

Содержание

Миры Однопомётные	4
«Один – Ноль»	6
Всё ещё будет	18
Данностью свыше	27
Впереди Бесконечность	35
Авось на небось	47
Лучшее, конечно, впереди	63
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Зосима Тилль

Миры Однопомётные.

Коллекционное издание

Миры Однопомётные

Квадрафонический радио-спектакль на коротких волнах

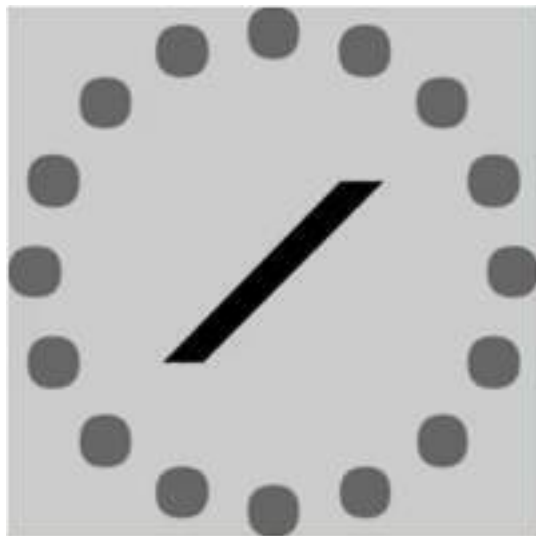
Ничего в жизни не происходит просто так. Все события либо закономерны, либо происходят по чьей-либо воле... Однажды Вселенная захотела быть услышанной и... нашла более чем оригинальный способ – из великого множества графоманов Она выбрала одного, в котором дремало множество совершенно разных, диаметрально противоположных по мировосприятию людей, самым невероятным образом столкнула их и... Заговорила!!! Она говорила и говорила, а этот несчастный записывал и записывал... Сначала это были обычные письма, затем электронные произведения. Её начали слышать. Но Вселенную было уже не остановить. Что с Ней взять – женщина, она и в Бесконечности женщина. Она захотела почувствовать прикосновение Человека. И вот...

Как многогранен и загадочен мир! Нас окружают вселенные и космос, причём как в прямом, так и в переносном

смыслах. Мы легко можем опережать время, перемещаясь в часовых поясах, бежать из зимы в лето, из осени в весну... Мы с лёгкостью миксуем слова, создавая новые, многозначные и всеобъемлющие. Но одна константа в этом параде новых и старых лексем остаётся неизменной – наречия. Вопреки, наперекор, однажды. Однажды с Аглаей и Мефом случилось Засторонье, и с тех пор они крепко связаны друг с другом Мирами Однопомётными.

«Один – Ноль»

«Ещё рано, потому что уже чуточку поздно. Гетеросексуальная трагедия мужчины всегда начинается с осознания того, что женщина – это всего-навсего человек. С ума главное шестновать в нужном именно вам направлении. В таком случае вы всегда будете рядом со своей головой. Чуть слева, за правым плечом...»

Квадрафонический радиоспектакль на коротких волнах.

Часть первая, «пилотошина»:

«Люби свои параллельные миры! Если встать и стоять неподвижно, то позади останется твоё прошлое, а впереди – будущее, и только в одной точке они пересекутся. Эта точка – Ты», – окружавшее пространство внезапно заполонил хорошо поставленный драматический тенор-баритон. Он звучал громко, властно и эмоционально. Кто он есть, кому нужен и зачем, никому доподлинно неизвестно, хотя сам Голос с потолка искренне считал, что он – мотивирует.

По мере того как пространство справлялось с позитивными вибрациями от этой громогласной тирады, слух потихоньку начинал воспринимать гусельное потренькивание. Из тумана таинственности нетрезвой походкой проступал силуэт Гусляра-самодура – повествователя мирского, в душе гусара, соглядастая в скважину замочную и перлюстратора посланий личных. «Долго ли, коротко ли, и когда это было...», – затянул на былинный манер Гусляр, – «А встретились они случайно и разошлись как-то закономерно. Но каким-то образом поняли, что они – однопомётные. Миры их были странны и непонятны ни окружающим, ни им самим. Но одно было ясно сразу – встреча их произошла отнюдь не случайно. Где-то далеко в Засторонье они уже пересекались на стопку кваса, и потому без представления узнали в друге друга. Но тут, на Земле, иные правила и законы. Их разделяло Его Величество Расстояние, и им ничего не оставалось,

кроме как писать друг другу письма...»

«Привет, друг мой далёкий, Мефодий!

Во первых строках своего письма спешу сообщить, что в трижды пятом царстве на вириатах я тоже имеюсь. Во строках вторых – обрадовать, ты распрекрасный чудик, и затея твоя писать друг другу письма пришла мне по душе. В-третьих, строках хочу сказать, что рада найти в тебе родственную душу и надеюсь на долгое и плодотворно развратное стихотворное будущее, а уж там как пойдет. Ну, и, в-четвертых, разреши констатировать мне факт, что ты мне мил, люб и дорог. А посему разреши откланяться и пойти с чувством исполненного долга на работку.

Цем тя ф нос!!! Родственная душа твоя, Аглая Михална.»

Глашка-кубаночка, девка статная да ладная, характеру боевого, творческого и не прикладного – сложила листок треугольником, скрепила подворот сургучной печатью и, на всякий случай, чмокнула свежеиспеченную депешу в фронтон. «Лети письмо с приветом, а вернись с ответом», – тихонько, чтобы никто не услышал, прошептала она и вздохнула полной грудью третьего размера. Девушкой она была честной, даже несмотря на то, что натурой не в меру романтической.

«Но в этой точке пересекается еще очень много. Твои

страхи, сомнения, желания, мечты. И твои параллельные миры...», – продолжил, сполна насладившийся эффектом от своего появления, Голос с потолка. «Она ждала, и он ответил ей», – тот же час поддержал его стремительно трезвевший со вчерашнего Гусляр-самодур.

«Здравствуй, свет мой солнышко, Аглая!

Позволь мне зафиксировать почтение своё и всяческое к тебе расположение. Очень рад, что эпистолярная идея моя приилась тебе любой. Надеюсь, что переписка наша будет расти и крепнуть, и сотворит плоды свои развратные. Но также вынужден кланяться, ибо работа не волк, ничто кроме волка не волк, а волк в переводе с аглицкого означает «гулять», а на неё не гулять, а через лес бежать надоть.

Чмок ты куда попаду. Твой однопомётный, Мефодий. »

Мефодий, он же Меф, он же для близких и друзей просто Фодя, был типом столичным, направленности поэтической, внешности нетипичной и немного какой-то, прямо скажем, эклектичной.

Сложив письмо впололам, он на секунду, как и положено настоящему поэту, в чём-то засомневался, но, так и не ощутив фибрами своей творческой души в чём, стремительно вложил листок в конверт. Проведя языком по клеевой полоске, Фодя на секундочку улыбнулся: «Сладенько... Прямо как в детстве... Почти...»

«В тебе, зачастую, живут две, а то и несколько сущностей. У каждой – своё предназначение, своё призвание, своя задача. У каждой из них есть свой мир», – с третьей цифры вступил Голос с потолка. «Эти миры живут параллельно, иногда пересекаясь постоянной константой – Тобой» ... «И побежали они по своим делам», – включился с разъяснениями Гусляр-самодур, – «В мир, который никак не хотел принимать их такими, какими были они на самом деле. Но они придумали свои миры, Миры Однопомётные. Там им все было ясно и понятно. Преодолевая массу человеческую, их душевные тела не упускали друг дружку из вида ни на секунду».

«Добрый вечер, мой однопомётный друг!

Безумно рада нашему общению. Поймала очередного почтового филина и шлю его тебе с оказией. Оказия – тот ещё прохвост. Не доверяй ему. Денег не занимай. И спать ложи в чулане. А после ухода проверь все вещи. Особенно исподнее. Дюже любит он его тырить. Пошла я готовить скудный ужин. И думать о тебе...

Цем тя в нос. Твоя родственная душа Аглая.»

«И, ба! В их мирах появились и стали вполне осязаемы и почтовый филин, и прохвост Оказия», – окончательно протрезвев, вжился в роль Гусляр-самодур. «И через тысячи терабайтов Миры Однопомётные жили, дышали, да и просто

существовали» ... «Просыпаясь утром», – в свойственной ему манере вторил Гуслиару Голос с потолка, – «ты никогда не можешь знать, какая из твоих сущностей сегодня будет победителем. Твои параллельные миры настолько разные. Они по-разному разноцветны, в них разные запахи, вкусы, подчас эпохи, но они прекрасны только уже тем, что они твои». Гуслиар и Голос, казалось, вели между собой негласное соревнование, кто кого переговорит и привлечёт к своей нескромной персоне больше внимания, а по сему встречали в стройный ряд повествования наперебой и местами к месту и уже не к месту.

«Здравствуй подруга однопомётная моя!

Как филин вернется, стребуй с него моё исподнее, если сей паршивец не отдаст тебе его самолично. Стырил подлец, а письмо твое наоборот затырил так, что прочёл я его только, когда след его уже простыл. Но этому я нисколько не печалюсь, ибо улетело оно по доверенному адресу. Теперь размышляю, что принесёт он мне взамен, ибо ему у меня дюже понравилось, особенно стаут таёжный да бурый, коего он выпил вчера в неразумном количестве. Бутылочку стаута стребуй с него также, ибо дюже он просил дать ему с собой для хозяйки его властной. Кстати, выпимши филин оказался дюже болтлив. С твоей стороны было опрометчиво допускать его в свою опочивальню, ибо смотреть на тайное он ой как любит.

Засим расшаркиваюсь, Меф, твой однопомётный. »

«И не поверите – она-таки требовала!» – захлёбывался нарочитой радостью Гусляр-самодур. «И по всей строгости спросила. А за окном шумела совсем другая жизнь. И эта жизнь даже не догадывалась про исподнее и пьяного не в меру болтливого филина».

«Добрый вечер, мой дружочек!

Филин приперся в хлам. Девоч привел, хамил и изображал из себя Короля мира. Портки я твои отобрала у него с боем. Постирала, высушила, прогладила и сложила. Теперь буду ждать ближайшую оказию, чтобы переправить их тебе. Ещё чай не май месяц, а у тебя – Москва! Там ветер. Переживательно мне за тебя. У Филина я отобрала сосуд какой-то с жидкостью. Еле отдал. Прости, но пришлось бить промеж глаз, дабы сбить с толку, а прежде всего с ног для лучшей отбирательности! Что в сосуде? И ещё я решила – большие в моих покоях никакому Филину не место. Токо прынцы!!! Девоч филиновских я прогнала. Не твои холопки были? Если что – не серчай. Я им в дорогу пироги дала. Доберутся как-то. На этом разреши откланяться и начинать ждать весточку от тебя.

Твоя однопомётная, Глаша. »

«В черно-белый мир тоже иногда приходят краски», – Го-

лос с потолка упорно продолжал гнуть свою линию. «И Ты, только Ты можешь сделать их лучше, чище, ярче. Только Ты можешь выдумать новые цвета и оттенки, только Ты на палитре своей жизни способен перемешать их так, что миры твои заиграют новыми, живыми оттенками...». «А, тем временем, – скоротенько вставил свои «пять копеек» Гусляр-самодур, – «Очередь из прынцев так и не выстроилась, а девки на попутных телегах добрались в столицу. Потом часто ещё в колокола звонили, на жизнь жаловались. Синяк под филиновским глазом сошел и Миры Однопомётные зажили своей размеренной и спокойной жизнью» ...

«Доброго денька тебе, моя милая подруженька!

Тронут заботой твоей и восхищён боевыми качествами в усмирении филинов. У нас в Москвах так не умеют. Лихо же ты с ним расправилась, аж оторопь берёт. Ну и поделом ему, неча исподнее тырить, да в дом твой девок площадных водить. То, что пирогами девок филиновских снарядила – это верно, можя приучишь их, что полезное в рот тащить. Хотя твердая пища им всё-таки ещё не в привычку. Животами захворать могут. Ну да ладно, хвори им разные диковинные не впервой. По долгу службы предписаны. Сдается мне, что и тот педерастик забавный, давеча забывший, что уста ему не для разговоров даны, тоже филиновский дружок, к девкам площадным присоседившийся. Давеча бежал один такой вихляя местом срамным, да рабо-

чим из Уланского Полку, так теперь беда с конями боевыми поголовная. Извелись животные совсем в напряжении чресельном, а кобылок-то в полку держать нельзя, дух боевой на конюшне страдает. Генерал закручинился совсем, уже на Париж подумывал пойти, дабы коней от мыслей срамных отвлечь. Я поговорю с ним и намекну между слов, где конюшьего утешителя искать. Не дело из-за такого прохиндея войны разжигать. Бутылочку ту, что у Филина отобрала, испей. Дивный напиток. В большом дефиците у нас. Если в голову что после того придёт – запиши обязательно и мне с оказией передай. Любы мне вириши твои, ой как любы.

За сим разреши откланяться, любезная подруга моя Глашенька. Зовёт труба вершить добро и мир спасать. Твой искренний друг Фодя.»

«И поскакали кони, и запела труба, и опустошилась бутылочка, и Миры Однопомётные снова жили своей жизнью. А за окнами шумела Москва и жила размеренной жизнью Кубань...», – Гусляр-самодур окончательно перетянул одеяло инициативы на себя. Голос с потолка с мрачным видом стоял в углу и что-то бурчал себе под нос. Как потом утверждали на правах анонимности компетентные источники, тихо матерился.

«Доброго раннего Кубанского и Московского утречка, мой дружочек задушевный!

Не дает мне покоя сложная ситуация в генеральских конюшнях. Намедни ты известил меня о сложном положении с лошадьми. Вот подумываю просить конюха дядю Кузьму подсобить вам там. Он мужик опытный, бывалый, в войнах с бабами дворовыми закаленный, практически не пьющий. Так, токо для сугреву да в праздники. В туесок я ему твое исподнее покладу. На самое доньшко. Сложу аккуратно и в пергамент заверну. Будешь разбирать туесок от меня смотри – сверху пироги с мясом и рыбой. Кушай их первыми, чтобы не испортились. За ними будут с брусникой и малиной. Эти ещё полежать могут. Хотела молока передать, но боюсь скиснет, как наша повариха Зинаида, которую супружник ейный бросил за-ради артистки заезжей. Колесит теперь с ней по свету. В Ставропольской губернии их выдали крайний раз. Говорят, запил он там шибко. Ну что же, гастрологи штука сложная, не каждый выдержать сможет. А про твои произведения скажу – мудрости в них хоть отбавляй. Но ты отбавлять-то не смей! Всегда чту их с превеликой радостью и хочу читать ещё и ещё. Надеюсь, ты не перестанешь баловать меня этим? Уж больно я охоча становлюсь до этих твоих жизнеизложений. Иногда даже боюсь захворать часом! А то, вишь чё пишут-то в «Губернских известиях» – хворь кака-то шастает по Руси-матушке иностранная. Совсем от этих заграниц жития не стало. И что же не живет-то им там у себя мирно да чинно, как и подобает нормальным людям. Ну вот – с пирогов начала,

политикой закончила. Пошла за сургучом...

З. Ы. Вот же-ш Степан, садовник наш, зараза! Весь сургуч на фигурки извел! Но они забавные. Шлю тебе одну из них.

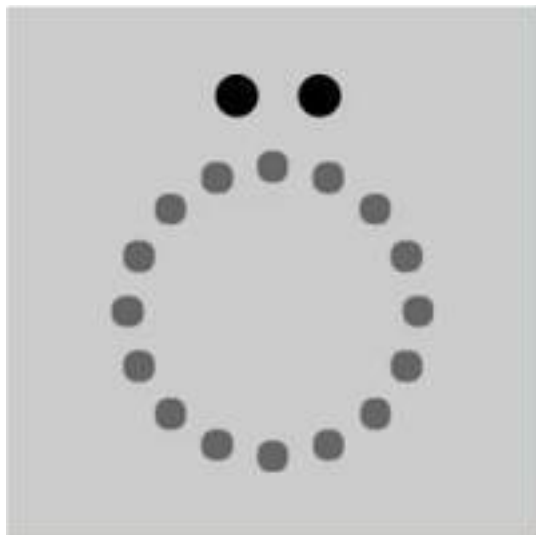
Кланяюсь тебе Фоденька и жду весточку от тебя. Твоя однопомётная».

«Пиши крупными мазками, – исподлбья, грозно зыркнув на Гусляра, пошёл в последний бой Голос с потолка. – «Экспериментируй. Иди своим путем. Прокладывай свою дорогу. И люби свои параллельные миры! Не бойся создавать их. Ведь ты не одинок, у каждого есть свой однопомётный» ... «И поехал конюх Кузьма в Москву-матушку, – затараторил заметивший зарницы во взгляде Голоса, Гусляр-самодур. «А Зинаида нашла себе нового мужа. Остепенился-таки Оказия – предложение ей сделал. Губерния Кубанская ещё долго обсуждала их сватовство да свадьбу. Бывший муж Зинаиды вконец поддался пьянству, артистка его бросила за-ради садовника Степана, который к тому времени стал известным скульптором. Пирог были съедены. А однопомётные... Но, впрочем, это всё уже совсем иные истории Миров однопомётных».

«Ты не один. Помимо Застороний, ты в людях, с кем свела судьба!» – воздух вновь задрожал позитивными вибрациями Голоса с потолка. Впрочем, на сей раз они несли ско-

рее торжественно-назидательный, чем мотивационно-побудительный заряд, – «Ты – не один!», – вешая длинное многоточие произнёс Голос, и Эхо, выдержав подобающую моменту театральную паузу, понесло по городам и весям: «Один... Один... Один...» «Ноль! Один – Ноль!», – не терпящим возражением тоном жирной точкой подытожил с потолка Голос.

Всё ещё будет

Вторая междусобойная часть радиоспектакля на коротких волнах. Хоть и на три голоса, но, зато, с чудесами и элементами деконспирологии.

«Соображать вдвоём – совсем не то, что соображать на троих. Поэтому, на этот раз к честной компании в качестве эксперимента и в порядке исключения решил прибиться и я – зверушка доселе вам неведомая, чести которой за себя бо-

яться впору, Инь любящая в Янь не тот помещать и вообще, пассажир двуумный, и, прямо-таки скажем, престранный», – Автор-жгун перелистнул страницу косой линейки ученической тетради и начал с чистого листа, – «И, ролью, отведенной мне самоуправно, повествовательно, но кратко, позволю напомнить о действующих лицах. Гусляр-самодур – повествователь мирской», – представил Гусляра Автор, – «В душе всё ещё гусар, соглядатай в скважину замочную, сейчас немного осип и выглядит замороченным, видимо сказался самопал, которым он в холодное время года, разложившись на перевёрнутых гуслях, начал активно злоупотреблять».

«Шло время. Земного полгода и чуть-чуть Засторонне-го», – вострепнувшись от упоминания собственного имени и сподобившись перевернуть гусли струнами вверх, затренькал Гусляр, – «Ведь кто его знает, какое времяисчисление в Засторонье и, в отличие от времяпрепровождения, есть ли оно вообще. Но чем бы оно там ни было, движется оно совсем иначе, нежели здесь. Да и что это за субстанция такая – время...»

«С утра Он ощущал наступление чего-то важно неотвратимого и неотвратимо важного, и работа шла не пойми, как странно», – между тем продолжал Автор-жгун. Голос с потолка явно запаздывал и Жгуну было необходимо тянуть паузу. «Люди вокруг него обрелись словно бы в замедленной

съёмке. И птицы... Посмотрев в окно, он успел заметить, что они вылетают из лужи, расположившейся аккурат посреди парковочной площадки, и летят строго вверх. „Совсем замотался!“ – подумал Он, резко отвернулся от окна и пошел прочь, думая о том, что этот мостовзрыв в его жизни ничем хорошим не окончится. В автомате закончился кофе, шеф вызывал к себе на очередную „оргию“, и кошкозаскребательность в его „внутри“ росла в геометрической прогрессии».

«...И в тот момент, когда казалось, что миры их однопомётные друг для друга уже потеряны и никогда не пересекутся в этой геометрии, произошло нечто как всегда невероятное», – передразнивая его, продолжил успевший за краткое время авторской вставки опохмелиться, Гусляр-самодур. «То ли Его Бесконечество Космос, заметая Млечный путь, навалил слишком много интергалактического мусора, то ли Её Спиральность Андромеда, пытаясь не „спалиться“, слишком развеяла свою „туманность“, но некоторые параллели вступили в клинч, и миры однопомётные почти чпокнули друг друга по кантику. В этой „точке Гхэ“ они – Он и Она – могли, если не физически, то метафизически уж точно, друг друга ощущать; а мир вокруг этого даже не заметил, в миру готовились встречать очередной Новый год».

«Она проснулась от того, что, заблагоя выключенный на ночь телефон, разрывался в вибрато», – пауза затягивалась,

как резина в долгий ящик, и Автору ничего другого не оставалось, как педалировать повествование. – «Половина четвертого! Какого черта! Кто там, находясь в цепких лапах Бахуса, „просто“ ошибся номером?!?». До утра Ей так и не заснулось. Взбодриться ни сигареты, ни кофе не помогали. «Скоро Новый год. Хотя, чем он новый? Календарь да – новый. А вот год, год-то – старый». В последнее время все Её года были похожи один на другой. Эдакий непрекращающийся Год Сурка.

«Мы все так ждем Завтра», – пытаюсь скрыть одышку в голосе разразился тирадой, подоспевший в последний момент Голос с потолка. По прошествии времени он звучал также громко, властно и эмоционально, хотя кто он есть, кому нужен и зачем, доподлинно так никому известно не стало; в интонировании его появились нотки изнасекомленности и забуратиненности.

«Мы засыпаем с мыслью: «Вот, завтра встану и начну новую жизнь!» Только «завтра» мы начинаем бегать по утрам, только «завтра» мы бросаем вредные привычки, только «завтра» мы просим прощения, только «завтра» мы садимся на диеты, только «завтра» мы идем менять имидж, только «завтра» мы выбрасываем весь хлам из души и из дому, и только с «завтра» мы даем себе зарок «Быть счастливыми!», – Голос на секунду «пустил петуха» и оглянулся по сторонам в поисках хоть какой-нибудь жидкости. «А ведь «завтра» не

бывает без «сегодня», – разглядев довольно улыбающуюся физиономию Гусляра-самодура и поняв всю тщетность своих надежд продолжил он, – «Невозможно проснуться, принять душ, выпить чашку ароматного кофе и сказать самому себе: «Ну вот! Наконец-то, наступило оно – завтра!»

Все персонажи были в сборе, и Автор-жгун, казалось бы, успокоился. «Вечером ноги сами собой завели Его на предновогоднюю распродажу» – уже не мандражируя, продолжил он, – где, взяв несколько бутылок портера, Он пошел по направлению к кассе. «...Мефодий, где же ты, однопомётный мой?» – слышалось ему. Даже не слышалось, а очень даже явно прозвучало где-то в районе «третьего глаза». Он вздрогнул и резко обернулся, едва не сбив краснотлицую даму неопределяемого возраста, но никого, кроме неё, продавцов и кассирши, заприметившей Его еще при входе в магазин и тщетно пытавшейся навести марафет по этому поводу, дабы Ему понравиться, не заметил. «Неужели кассирша?» – пронеслось в голове у Него. Нет, Фодю знал только один человек. Но Её, как быть около не могло, так и не было.»

«Вы когда-нибудь задумывались, почему наши отношения так похожи на кино?» – казалось, Голос с потолка смог оседлать отдышку и вернуться былую форму, – «В начале нашей долбанной и так вождеваемой взрослой жизни мы выпускаем десятки трейлеров и, не изобретая велосипед, сни-

маем кино о нашей будущей жизни. Отсняв, запускаем в прокат самый лучший фильм под названием «Май лайф – май рулз» И фак офф, критики!». Но не всегда режиссерская версия без монтажных склеек есть самый лучший вариант этого кино. Наевшись сполна «оригинала чистоганом», мы, так и не получив ни «Пальмовой ветви», ни «Золотого орла», ни крутого золотого перца «Оскара», ни, даже остающейся на крайняк, утешительной «Золотой малины», как самые большие лузеры, приступаем к съемкам сиквела. Ну и что, что премьера не стала ошеломляющей, она огорошила, прежде всего, нас! Удваивая степень воздействия, мы присобачиваем концептуальный саундтрек, предполагая, что, выбравшись из домика на колесах, хотя бы новый сингл из него, наконец-таки, зазвучит, но забываем, что неминуемо последует и черед ремиксов. И как же, чёрт побери, важно каждому последующему сиквелу вдолбить инфо о том, что приквел был недостаточно хорошо продуман и... Ну не хватило ему этого бесконечного: «Верю – не верю!». Мы штампуем сиквелы со скоростью звука, и приквелы разлетаются в этом бинарном пространстве и множатся не как здоровые кролики, но как люди больные».

«Она вышла с работы и, зачем-то, пошла по направлению к минимаркету, хотя в тот вечер ей нужного там ровным счётом ничего не было», – Автор-жгун, казалось бы, попал под гипноз около кинематографических рассуждений Голоса с

потолка, а потому изъясняться начал достаточно сценарно и с легко угадываемыми признаками раскадровки. «Давно уже ставшая знакомой продавщица улыбнулась и спросила: „Как обычно?“ „А что обычно?“ – не смогла вспомнить Она. Бесцельно пройдя мимо витрин, Она, не задумываясь, зачем-то, взяла с полки бутылку „Муската“ и пошла смотреть на аквариум рыбного отдела. К этому часу почти всех рыбин уже раскупили, за исключением меланхоличного сома. Он философско-флегматично смотрел на окружающий мир и ждал своей участи. „...Да тут я, Аглая!“ – как молнией ударило Её в район гипоталамуса. Она быстро пробежалась глазами по залу. В магазине уже никого из посетителей не было, продавщица сводила дебет с кредитом, кассирша болтала по телефону. „Неужто сом?“ – подумала Она, – но сом повернулся к ней и ко всему миру хвостом, породив маневром веер брызг, несколько из которых даже достигли Её лица. – „И потом – какой сом! Рыбы вообще малообщительны. Особенно с малознакомыми женщинами“. Её, как Аглаю, знал только один человек, но он был единственным и бесчеловечски далеко...»

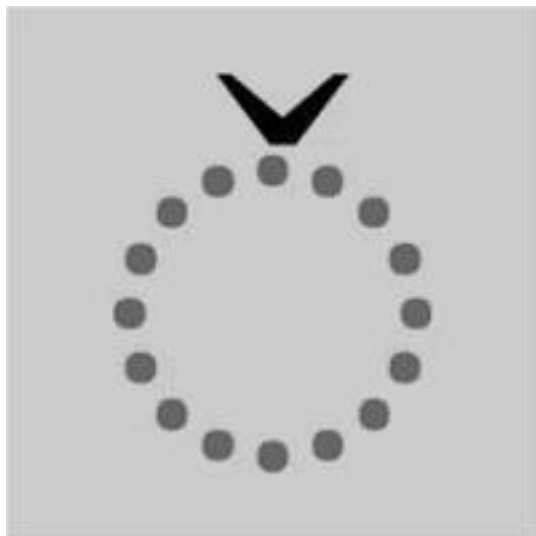
На тяжёлых каминных часах близилась полночь. Заметив критическое положение стрелок, Гусляр-самодур молча разлил по трём гранённым мутную жидкость из трехлитровой бутылки, и застрочил как из пулемёта: «Мир готовился к предстоящему праздничному месяцу бухабрю с его священ-

ным праздником вдрабадан и было ему невдомек, только что на миг, на какую-то долю секунды случилось самое что ни на есть новогоднее чудо – параллельные однопомётные миры соприкоснулись...» «А однопомётные, тем временем, шли домой, пили портер и «Мускат», думая на двоих одну внезапно всплывшую истиной на поверхность мысль», – подержал его Голос с потолка, – «Это просто конец года. Нужно ставить точку и открывать новую тетрадь косой линейки, несмотря на то что все чернила на многоточия растрачены...» И в этом была загадка подуставшей под конец уходящего года Вселенной...»

«Дым сигарет с ментолом, как хорошо спать голым», – безбожно перевирая известный ресторанный шлягер, горлачил, лёжа в кровати, безудержно пьяный Автор-жгун. Фигурные стрелки каминных часов уже давно перешагнули ежегодную точку невозврата. О недавней фантаσμαгории, в которую он втянул себя без чьего-либо принуждения и по взаимному с собой согласию напоминала лишь трехлитровая бутылка с «наутренними» остатками мутной жидкости, благородно отобранная у Гусяра-самодура и оставленная Автору Голосом с потолка. «Слава Богу, с утра не бежать», – подумал было он, но в пустоту комнаты из него внезапно вырвалось: «Один раз – не водолаз!» «Да-а-а, посидел со своими героями разок, пора и честь смолоду беречь! Если так и дальше пойдёт, то и самому до Засторонья не далеке ста-

нет». «А знаешь, всё ещё будет...», – сквозь обещавший быть традиционно кратким и тревожным сон донеслось в ответ до внутреннего слуха Автора. «В сотый раз, как в первый раз», – привычно перевело для перешедшего в автономный режим сознания Автора-жгуна вечно не спящее в нужный момент Эхо.

Данностью свыше

Третья моноформатная часть радиоспектакля на волнах. Новогорическая и фастасмагодняя.

«Есть мнение? – подумал Космос. – «Нет, намного веселее есть тех, у кого есть мнение», – и, после недолгих по астрологическим меркам раздумий, решил-таки перевернуть страничку календаря. «А не попробовать ли мне вот так?», – в три глотка осушив бокал портера и затянувшись контрабанд-

но доставленной из Голландии «козьей ножкой», он скорректировал перпендикуляры в параллели, и Миры Однопомётные, как по смазанному, вновь вошли друг в друга. «А табачок-то космический», – на выдохе произнёс Космос. «Хотя какой у меня ещё может быть, если меня все так и зовут?»

– Здравствуйте, Вас случайно не Мефодий зовут?

– Вообще-то, Аглаей, женщина я...

– Очень страшная вы женщина, Мефодий...

На этом неловком моменте Фодя резко очнулся. На календаре по ощущениям должно было бы быть что-то наподобие первого января, но в голове по ленте Мебиуса пешкодралил лишь один вопрос: «Что это было?»

После двенадцатого удара он, каким-то странным образом, оказался на Кубани в обществе празднующих казаков. Пили самограй. За Новый год пили, за Россию-матушку, за урожай... Много ещё за что пили. И курили. На вопрос: «Где найти Глашку?» казаки, словно сговорившись, нестройным хором отвечали: «Сейчас ещё посидим немножко, сядем на коней и сыщем тебе Аглаю!» Но потом снова сидели, и пили, и дышали в лицо перегаром с каким-то странным травянистым послевкусием. На коней никто так и не сел. Фодя не знал, но коней казакам нынче давали только в праздники покрасоваться.

В голове внезапно включился неизвестно откуда там взявшийся патефон. Пластинку заело на трудноразличимой за

треском и шумами фразе «Хочу втебиться я, любя». Какой патефон, какая пластинка, какое «втебиться?», – пытался склеить себя по частям Меф, но получалось слабо. То ли клей-карандаш для этого не очень годился, то ли осколки сознания слабо подходили друг к другу.

«Не за то отец сына лупил, что пил тот не в меру, а за то, что опохмелялся, стервец, не по Уставу!», – громом с потолка вдруг разразился голос старого кубанского казака, который всю эту ночь подливал и подливал ему самограй в мутный стакан. Мефодий, пошатываясь, пошёл на кухню. Чистых стаканов не было. Кружек тоже. Понюхав поочередно несколько попавшихся под руку стекляшек, Мефодий сел на табурет и ни к селу, не к городу, но, видимо, что-то имея в виду, сказал казаку в потолок: «Виски со вкусом пива, пиво со вкусом текилы, текила со вкусом джина, и только растворимый кофе со вкусом шелухи от жареных семок. Если я что-то захочу изменить в своей жизни, я просто помою посуду».

– Так, потерпевший... – голосом штабс-генерала ответил ему из недр потолка казак.

– Я не потерпевший!

– Это – пока...

Внезапно из туманности на столе материализовался стакан с самограем. Казак вылез из потолочного шва, всунул гранённый Фоду в неуверенные пальцы, сверху обжал своей мозолистой ладонью и заставил выпить. Дрожь и помутне-

ние в глазах Мефодия развеял внезапно заигравший без заиканий патефон. «Хочу влюбиться я в тебя» лился из него какой-то давно забытой мелодией голос Аглаи.

Однопомётность это вам не какая-то там банальная однояйцевость. Однояйцевые от рождения обречены на незримое присутствие друг друга друг в друге. Они всю жизнь знают своего нагваля в лицо. Одежды им подбирают одинаковые, они ходят в один детсад, учатся в одной школе, поступают в одну «вышку», любят одних и тех же и, что греха таить, зачастую друг за друга. Однопомётные же всегда вынуждены друг дружку искать, и большая удача, если, несмотря ни на что, находят.

Кто в этом виноват доподлинно не известно. То ли пометивший их своим помётом почтовый Филин, тот еще шутник-выпивоха. То ли Андромеда, вечно надеющаяся на романтическую ночь с Космосом, но подпускающая в пересечения миров туманности, так и не дождавшись на неё приглашения. Что ж, она женщина, имеет право подавать блюда холодными. За скобками, правда, остается вопрос, почему холодными закусками, уготованными Космосу, потчуются все вокруг него кроме? Хотя и в этих масштабах правило «баба дура не потому, что дура, а потому что – баба» никто пока что не отменял. Хотя баба, надо признать, масштаба космического.

Не смотря на все страдания свыше, однопомётные всё-та-

ки рано или поздно находят «своего чела». «Своего» — до мозга костей, «одно—» — до дрожи в коленках, «помётно-го» — до цыпок на коже. Той самой коже, которой раз встретившись, они метафизически помнят и рождение, и смерть, и миллионы тысяч иных перерождений. Они есть «инь» и «янь», альфа и омега, белый верх — чёрный низ; идеально входящие друг в друга втулки и пазы на уроках черчения и на выдохе выходящие поршни и цилиндры в двигателях внутреннего сгорания. Их возвратно-поступательного внутреннего сгорания.

Новогодней ночью, с двенадцатым ударом курантов Глашка взмыла над суетой и очутилась в ночной Москве. Столица встретила её праздничной иллюминацией и веселящимися тинэйджерами. Аглая пила с ними «коктейльчики» из алюминиевых банок, курила тонкие сигареты со вкусом клубники и всё время спрашивала: «Вы не знаете, как мне найти Мефа? Он, знаете, такой необыкновенный, вы должны его знать». Но тинэйджеры Мефодия не знали. А так как непосредственность и открытость Аглаи их завораживающе притягивала, а «запиленные» на коленях джинсы, непонятно как на ней в эту ночь оказавшиеся, для малолеток означали в ней чемпионку мира в марафоне на четвереньках и олимпийских игр в спринте на коленях, то, на словах, Мефодием хотел быть каждый из них.

Внезапно ночное новогоднее небо озарила андромеди-

на радуга – верная предвестница подпускаемой туманности. «Когда Охота Женщину, Закрой Глаза, Сиди, Фантазируй!» – взяв под контроль свою дикцию, непрерываемым голосом перечислила основные цвета спектра очередному претенденту быть Мефодием Аглая. «В каждой женщине есть перчинка. Главное – разнюхав, не чихнуть. В каждом мужчине есть хреновинка. Главное – распробовав, не прослезиться. И не хами, как генеральный спонсор!», – зачем-то дополнила она себя и, со словами «Адъёс, Амигос! Баста Йа!» ушла в не заставившую себя ждать вслед за радугой андромеду же туманность.

Однопомётные миры вошли в иную веку. У Андромеды, вращаясь в пространстве, они стырили чистые листы, у Космоса, под очередной глоток портера, слямзили чернила. И вообще, однопомётным так хотелось, чтобы у Космоса и Андромеды всё срослось, что могло бы означать и их скорую встречу, а посему помогали они чем и как могли.

Первого января Аглая проснулась с жуткой болью в, как ей сейчас настойчиво казалось, ещё существовавших мозгах. Ещё вчера она была готова к классике жанра и классику жанра же готовила – оливье, холодец из свиной головы и сельдь под шубой. Сегодня нетронутые тарелки с этими блюдами на крахмаленной скатерти вызывали в ней отвращение. В голове майонезной заправкой растекалось ферментированное шампанское, щедро разбавленное ещё чёрт знает чем. «Хо-

чу втебиться я, любя», – хриплым голосом сквозь щелчки и скрип патефонной пластинки рефреном звучало в её голове. «Что это было?», – пыталась заставить себя думать Михална, но голос не унимался и осколки мысли, не смотря на все её усилия, уходили никого не застав.

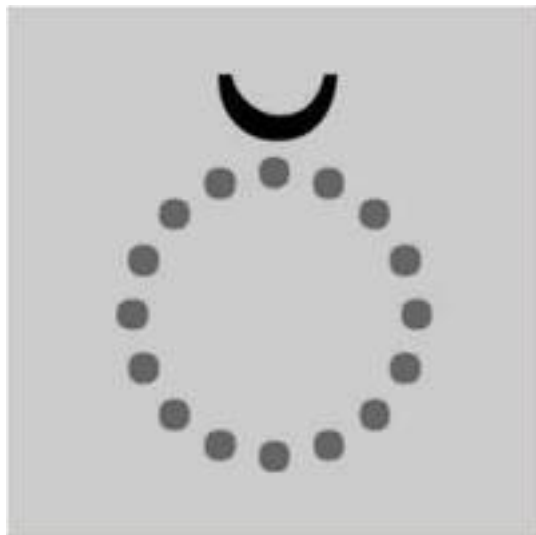
«Я не гусар. Я промолчу», – внезапно раздался властный окрик Голоса с потолка. «Я! Я – гусар! Я молчать не буду!», – вторил ему голос Гусяра-самодура, и где-то тихонько струны треньками стали выводить не выходившую из головы Аглаи с самого момента пробуждения мелодию. С восьмой цифры вступил вкрадчивый тенор: «Хочу влюбиться я в тебя» ... «Мефодий?», – Аглая огляделась по сторонам, воздух вокруг возбужденно дрожал, переливался всеми цветами радуги и пах тонкими сигаретами с клубникой.

«Хотел зайти в свой мозг – не подошёл пароль. Похоже, что меня, пока был пьян, взломали...», – очнувшись, спросонья произнёс Космос. Мир просыпался, убирал тазики с салатами в холодильники, подсчитывал убытки и напрасно потраченные деньги. Вспоминал откуда взялись «бланши» под глазами, допивал уже выдохшиеся, но всё ещё спиртом пахнущие жидкости, мыл посуду, выпроваживал гостей, и было ему невдомёк, что в эту ночь как по смазанному случилось чудо. Пока Космос и Андромеда мерились достоинствами, Меф и Аглая, незримо друг для друга, вновь были вместе. По кривизне параллелей, переворачиваясь в пространстве,

вращаясь спинами вперед в позе эмбрионов, но они столкнулись в этой турбулентности, пусть, пока что и не посмотрев друг другу в глаза. Они вновь, хоть и до первых петухов, но жили друг у друга в Мирах Однопомётных.

А на следующий день, как в обратной съемке, начался новый год, оставив в своём первом дне сполна недосказанности и недоосмысленности. Мир так просит чудес, но, как и положено слепцу, в упор их не замечает. Хотя, может статья, просто так он делает вид?

Впереди Бесконечность

Четвертая высоко материальная часть радиоспектакля на коротких волнах. Ароматизированная и соусированная лёгким ароматом шизофрении снов.

«Не получают они удовольствия от жизни, – бурчал себе под нос Космос, – Не удовлетворяет их жизнь, видите ли. А пробовали ли они сами доставить жизни удовольствие? Поцеловать её в шейку, прихватить зубками за загривок, неж-

но схватить за „любовные рычажки“ и не двузначно притянуть на себя, удовлетворить её так, чтобы ноги в дрожь и мысли в вату? Нет, на это у них ума не хватает. Им как? Раз жизнь далась, то все тридцать три удовольствия должна им разом! А они ей что? Жизнь – не мать. Это мать завсегда накормит, примет, обогреет любого ссаного-сраного. А жизнь? Жизнь – богиня, причём в самом расцвете своих женских сил. Не она, её любить надо. И то, если будет на то высоко благосклонное позволение. А они: „не мы такие, жизнь такая“, „жизнь – боль“, „жизнь дала трещину“ ... И ведь ещё на что-то претендовать пытаются! Э-эх...!»

Космос сидел на пороге дома Вселенной и смотрел в её бездонные глаза. Плутовка пригласила его на аудиенцию. Ему хотелось портера и курить, но в ассортименте был только чай, дурацкий индийский крупнолистовой чай. Космос встал, стряхнул звёздные крошки от космических круассанов со своих индиго и, пройдя на открытую веранду, насыпал себе заварку прямо в кружку. Нажал на клавишу термопота и, когда края кружки встретились с кипятком, как самый заядлый перфекционист, расставил на кофейном столике всё по своей, никому не ведомой методе. Листья никак не желали разворачиваться, сколько бы он не хороводил их ложкой. Глядя в самый центр этой «бури в стакане», он вдруг подскочил и так, как положено всем гениальным изобретателям, возопил: «Эврика! В смысле – они обязаны вернуться!»

Времена... Хорошие, добрые времена... Они имеют разные свойства. Свойство кануть в Лету, свойство быть забытыми, свойство быть желанными... Но есть самое прекрасное их свойство. Возвращаться.

Глашка вытирала пыль с каминных часов. Массивная вещь никак не хотела вписываться в интерьер крохотной девичье светлицы. Откуда они появились, Аглая уже не помнила, но, слушая их мерный ход, вечерами она мечтала. О чём? Да обо всём сразу! И вот сейчас, стирая с них пыль, она вновь мечтала обо Всём.

Вдруг что-то попало в глаз. Она с зажмуром моргнула. В тот момент фигурные стрелки сложились и стали кружиться, выписывая на циферблате ленту Мебиуса. Чем дольше они это делали, тем причудливее менялась обстановка в комнате. Спящая Аглая вышла на лоджию, сняла москитку, влезла на окно и... пару раз вдохнув полной, третьего размера грудью, полетела. Куда и почему? Спрашивать – лень. Она летела, просто летела...

За окном дышала весенняя ночь. В пруду жабий хорал снова и снова начинал с третьей цифры, давно ушедший на покой почтовый Филин лениво ухал в чаще, с неба сыпался серпантинном золотой метеоритный дождь. В воздухе пахло ночной фиалкой и чем-то неотвратимым... Позади растворился бой каминных часов. «Как странно», – думала последовательница Икара, – «Вроде бы ночь, но какие яркие крас-

ки! Какие чёткие запахи, резкие звуки! Шизофрения снов, ей Богу, евпатий-коловратий!»

Можешь ли ты себе представить, большинство окружающих тебя людей видят исключительно чёрно-белые сны. Без звуков, без запахов, без ощущений. Большинство людей во сне смотрят черно-белое немое кино. Немое кино, не сопровождаемое даже расстроенным пианино тапёра, немое кино, начисто лишённое каких-либо эмоций. И когда они просыпаются, они ничего не помнят. Ведь какой смысл запоминать то, в чём ничего не было, какой смысл запоминать пустышку?

Помнишь, бабушка в детстве тебе говорила «как поспишь, так побежишь»? Вспомнил? А теперь ответь на вопрос, как, проснувшись, побегут все эти люди. И главное, куда? Не иначе, как в свою, лишённую даже намёка на градиент, реальность. Реальность без вкуса, реальность без запаха, реальность без осязания. Реальность, в которой начисто отсутствуют чувства и ощущения. Реальность, в которой не надо любить, но строить отношения. И это существование они называют жизнью?

Твой конфликт с ними состоит уже в том, что твои сны – цветные. В них есть запахи, вкусы, звуки и ощущения. Твои сны пронизаны чувствами и эмоциями, напигованы идеями и тайными смыслами. Теми, которые ты помнишь по пробуждению, которые преследуют тебя до тех пор, пока на сме-

ну им не приходят другие тайные смыслы. И зачастую, твои цветные сны гиперреальней самой реальности. Так зачем ты мрешь себя по ней, а её по себе?

В одном из фильмов ты слышал, что «человек с фантазией живет сто жизней сразу». Человек с цветными снами во сто крат больше. Именно поэтому ты выгораешь изнутри и сгораешь снаружи в разы быстрее остальных. И это затягивает. Тебе постоянно требуется всё более и более сильнодействующий допинг, ведь твою жизнь наяву никто не отменял, а без участия допинга ни дофамин, ни серотонин в удовлетворяющих тебя дозировках уже не вырабатываются. Ты всё чаще находишь себя снаружи и изнутри неудовлетворенно опустошённым и вновь ищешь своё спасение во снах.

Мефодий молча лежал в кровати. Кто-то гладил его волосы, проводил ухоженными наманикюренными пальцами по его губам, щекам, шутливо тербил мочку уха... Так долго и внимательно вглядывался в лицо, что Меф уже физически ощущал на себе этот взгляд. Дождавшись, когда Мефодию станет совсем невмоготу, голос, вплотную приблизившись к его уху, чуть слышно прошептал: «Очень страшная вы женщина, Мефодий...» «Кто? Я?!», – только и успел с обидой подумать Фодя и очнулся, дрёму сняло как рукой. «А что, здесь есть кто-то другой?» – на прощание донеслось ему из забытья...

Человеку свойственно обижаться. На кого и что угодно. По поводу и без, по несколько раз на дню. Причиной этих обид, в основном, является отсутствие банального понимания, в основном самого себя. И если, в виде исключения, найдётся кто-то, кто сможет понять Человека несколько лучше, чем он себя сам – значит, находится «понимающий» в такой же заднице, как и я... Думает Человек и располагает себя к нему.

В этот момент ему почему-то не может прийти в голову, если «понимающий» находится в такой же заднице, как и ты, то он не тебя, а себя в тебе понимает. Если же он реально понимает тебя лучше, чем себя ты, значит он у тебя в заднице. А ты у него. Непреложно. И называется это однопомётностью.

Космос, мягко говоря, недолюбливал Человека. Не потому, что его любила Вселенная и он ревновал, но потому, что Человек постоянно пытался Космоса достичь и изучить, для чего периодически проникал в него через узкие места без его, Космоса, на то согласия, при этом ещё и обильно в него гадя. Всё бы было ничего, если бы Космос изначально не был расположен по отношению к Человеку «к лесу передом», а так у него были все причины, чтобы Человека недолюбливать.

«Если он к тебе возвращается, значит где-то, как-то и с кем-то побывать он уже успел», – пытался урезонить Вселен-

ную Космос. «Всё время разлуки он не был один, в отличие от тебя, и, допуская, что даже называл кого-то твоим именем. Ему в очередной раз „не подфартило малёха“, – и он прибежал в слезах к твоей „кормушке“. Но ты же сама понимаешь, возвращаться он будет к тебе вечно, и не потому, что он тебя любит, он просто никогда не сможет найти тебе замену. Если бы у него была другая Вселенная, фиг бы ты его увидела снова».

«Не все бабы – дуры», – заметила ему на это Вселенная, – «Равно как и то, что не все женщины – бабы. Больше тебе Космос скажу, не все женщины – женщины, потому что некоторые мужчины тоже дуры. Все они однажды встречают того, при виде которого им начинает казаться, перед ними их будущая половинка. Четвертинка или даже восьмушка», – зная их характер думаю я, – «Так что нечего ворошить ослиное гнездо. Пей лучше чай, остынет».

«Возможно, из меня плохой хранитель, ведь за всю свою жизнь я так никого и ни от чего не спас, но зато отпугивал знатно, достаточно эффективно и с полной самоотдачей», – думал за кружкой чая фрустрированный отсутствием портрета и запретом на курение Космос. «У людей мечты имеют привычку сбываться во снах, а идиоты с ними обыкновенно сбываются наяву. Тогда какой с меня спрос, Вселенная?» – не заметив, что подумал в голос пробормотал он. Не смотря на все усилия, чайники упорно не желали раскрываться, продолжая плавать в кипятке, окрашивая его в новомодный

цвет «сироткины писи».

«У вас в континууме случаи забеременеваемости были? Нет? Будут!», – на пороге в искрящейся дымке мерцала Андромеда.

Одиночество – это то, что есть в тебе изначально и живёт в тебе всегда. Даже когда ты, казалось бы, не один, оно никуда не исчезает, одиночество тихонько сидит в своей уютной каморке, с любовью, обставленной ему тобой, и терпеливо ждёт своего часа. Все, кто появляются в твоей жизни, могут лишь на время заглушить его голос, но стоит случиться даже не расставанию, какой-либо размолвке, оно тотчас же оглушит тебя очередным напоминанием о себе. Твои проблемы, твои боли и радости, по большому счету, никому кроме тебя не интересны. Никому, кроме твоего одиночества. Если ты его боишься, то неизменно настанет тот день, когда этот твой страх станет сильнее тебя и одиночество навсегда останется твоим единственным собеседником. И ревность есть одно из имён этого страха. Вы скажете, что всё это очень расплывчато? Но покажите мне, что в этом мире не размыто, если и человек на семьдесят процентов состоит из воды...

«Противоестественно лишь то, что безобразно, но жить годами вместе, я признаюсь Вам, заразно», – на ходу нашёл-ся Космос. Андромеда напряглась, готовая, если что, подпустить очередную туманность, по крайней мере, именно

об этом свидетельствовала из неоткуда появившаяся радуга. «Кстати, я у тебя коньяк забыл», – чтобы хоть как-то разрядить ситуацию признался Космос. «Да, спасибо...», – казалось бы, рассеяно ответила Андромеда, но угрожавшая перерасти в очередную туманность радуга стремительно исчезла. «Есть такая работа – делать вокруг себя забавно», – продолжал между тем Космос, – «Чем мы с Вселенной в меру собственной испорченности и занимались, пока неожиданно-негаданно не нагрязнула ты. Вот скажи, как тебе однопомётность Мефодия с Аглаей?» «Забавно», – вынужденно призналась Андромеда. «А знаешь, чего она нам с Вселенной стоила? Все эти смещения временного континуума, говорящие совообразные, сомнамбулические телепортации, перенаправление меридианов в параллели, шизофрения снов, в конце концов. Это тебе не радугами яростствовать и туманности подпускать по поводу и без, это таких усилий требует, что и выгореть недолго, в дыру чёрную уйти и в анти-пространство завернуться. А тут ты со своей опосредованной ревностью. Нет, чтобы присовокупиться... Я – Космос, я не могу принадлежать конкретно кому-то, потому что я уже принадлежу всем. Э-эх!», – в поисках «козьей ножки» Космос машинально похлопал себя по карманам и, ничего не найдя, в сердцах сплюнул. Где-то в окрестностях созвездия Секстанта прошёл золотой метеоритный дождь...

«А можно и мне, хоть под конец, но всё-таки присунуть

свои «пять копеек» в копилочку-то общую? Чай не для мебели здесь присутствую», – из дальнего угла донесся трескучий от долгого молчания тенор Голоса с потолка, – «Совсем старика забыли, на чаи не зовут, мнения не спрашивают, с новобранцами не знакомят... Эх, где они, времена добрые да Засторонние...» И, не дожидаясь на то чьего-либо разрешения, на правах старого хозяина, прокашлявшись и с былой мотивацией, Голос с потолка в миг заполнил собой всё свободное и несвободное пространство: «Дождь... а когда вы в крайний раз гуляли под дождём? Гуляли в хорошем смысле этого слова. Просто и легко, а не испытывая на завтра засуху и желание вспомнить и переосмыслить всё. Что может быть лучше прогулки под дождём... Только первобытный, почти животный восторг от первой искры, первого огня... Какой странный симбиоз – дождь и огонь.

Огонь... Когда вы в крайний раз сидели у костра? Душевно, с близким человеком, а не собирая наутро пустую тару по близлежащему периметру. Что может быть лучше посиделок у костра... Только прогулки под дождём.

Дождь и огонь... Два явления суть взаимоисключающих. Но как же они сочетаются в маленькой песчинке Вселенной – Человеке, когда он гуляет под дождём.

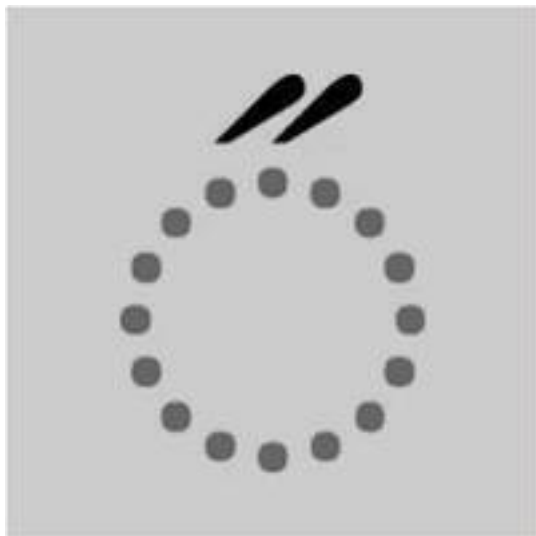
Выходите на улицу, когда идёт дождь! Потому, что только так вы сможете достичь Застороний, сможете постичь Нирвану.»

«У меня есть собственное мнение!» – с пеной у рта пытался что-то доказать Человек вызвавшей его на разговор Вселенной, – «Оно единственно верное, неоспоримое и твоим уж сомнениям подвергаться никак не может! Оно основано на трудах Фрейда, которые я никогда не читал, на цитатах из Библии, в глаза которую не видел, на результатах исследований и научных открытий, о которых я слыхом не слыхивал и знать ничего не хочу. На собственных мыслях, которые меня в последние годы не посещают, и приправлено ещё какой-то невероятной мутотенью, невесть откуда взявшейся и какими высшими созданиями нашептанной, но это мой самый весомый аргумент. Так что нечего тут со мной спорить и, тем более, пытаться меня поучать! Вот почему я сижу и ничего не делаю? Потому что всё, что мной не делается – к лучшему!» «И как тебе только не стыдно?», – только и смогла возразить ему на это Вселенная. «Круто, правда?», – с самодовольной ухмылкой сплюнул ей в ноги Человек, – «Я – твой крест. Мне тебя и несть». Вселенная молча развернулась на каблуках и сократилась до точки на горизонте познания. «Нет, ну а что я такого сказал-то?», – только и успел вслед ей попытаться проямлить Человек.

«Коль истина в вине, а всё вино во мне, пока не протрезвею я носитель истин», – глубокомысленно продекларировал Космос и перелил Мефодию тягучую чёрную жидкость из своей кружки. Андромеда к месту подпустила ту-

манность, прикрывая интимные места Вселенной, в очередной раз сокращавшейся по вновь загулявшему Человеку, Космос курил контрабандную «козью ножку», Мефодий пил портер Космоса, а Аглая стояла перед каминными часами, слушая их мерный ход. Впереди них была Бесконечность, за ней смутно угадывались очертания Зеркала Жюстины...

Авось на небось

Пятая психически-терапевтически-логическая часть радио- спектакля на коротких волнах. С незримым налётом дедушки Фрейда и Карла, нашего, Густавовича Юнга.

«Я – стар. Я – супер стар», – по слогам, но всё-таки выговаривал Космос, – «Супер настолько, что все мои воображаемые любовницы давно повыходили замуж, а некоторые из них уже успели развестись и пойти по второму кругу».

Шёл третий день помужчинских посиделок. Космос и Мефодий, с примкнувшими к ним Голосом с потолка и Гусляром-самодуром, в четыре глотки поглощали запасы портера близлежащего к дому Мефа минимаркета. Пивопровод «магазин-живот-водопровод» работал более чем исправно, и в этом явно прощупывалась рука магазинной кассирши, заметившей Фодю ещё на позапрошлогодней распродаже, ведь за периметр никто из собутыльников выйти не мог по определению. Изрядно осолодевшая компания томила в ожидании прибытия отошедшего к тому моменту от дел почтового Филина и напросившегося в буквальном смысле к нему на хвост Оказии. Но погода в последние времена суток была явно нелётной, и гости с Кубани-матушки непреодолимо задерживались. Загостившийся со времен недавних потолке кухни Фодиной «однушки» Старый Казак портером явно брезговал, а потому пил свой самограй в одиночку, снисходя до честной компании только в целях пополнения запасов проточной воды, кою использовал в качестве заправки.

«А вот я считаю...», – начал было Мефодий, но полёт шмеля его мысли тот же час был безапелляционно прерван Космосом. «...Считает он, математик! «Мать-и-мачех», еватий-коловратий! Меф, люблю я людей, которые своей обидой заставляют меня верить, что я – не дурак. На дураков ведь не обижаются? Так что как по матушке я и без тебя прекрасно... считаю, ты мне скажи лучше, как тебя по батюшке

звать-величать?» «Александрович я», – совсем з глузду зъихав пробурчал в ответ Фодя.

Не скромность украшает человека, но человек скромность. Если вам говорят, что Вы – гений, смутитесь и, как бы извиняясь, робко возразите: «Ну что Вы, право слово... Можно и на «Ты» ... Чтобы Вас не сочли наглецом, не говорите людям правду. Не врите, чтобы не сочли лжецом. И ни в коем случае не молчите – на веки вечные прослывёте трусом. Чувство собственного достоинства – чувство принятия себя в качестве значимого человека. Если «принятия... вне сравнения с другими», то да, оно, несомненно, имеет место в вас быть. Только фокус заключается в том, что «вне сравнения», в чистом виде, в последнее время оно почти не встречается. О чувстве собственного достоинства любят разглагольствовать люди, оправдывающие свои ничем не обоснованные претензии на ничем не подкрепленные амбиции, маскируя под понятием чувства собственного достоинства собственную же гордыню. Нельзя иметь и всё, и сразу, и море, и по колено. Так что, если Вам ущемили достоинство, знайте, ни для чего другого оно попросту не годилось.

«Лексаныч, пойми ж ты, мил мой человек, когда от тебя уходит женщина, она уносит с собой всех тараканов, живущих в её голове», – Гусяр оседлал своего горбункового конька, – «Обитающих в её в животе мотыльков, что слета-

лись вашими бессонными ночами на горящую люстру, уносит тоже. Тебе же остаются только трахающиеся в голове мухи и никуда не девшееся от тебя одиночество. Прошрое никогда не бывает прошедшим, бывшее никогда не бывает бывлым. Пока в тебе ещё теплятся воспоминания, оно для тебя всё ещё настоящее, пусть «хотя бы» и «всего лишь», и «на один процент». Смирись, не спрашивает – не сплясывай.

Бытует мнение, что, если во сне ты наступил в коровью лепёшку или в кучку собачью, значит, в будущем тебя ждут большие деньги. А вот если, к примеру, тебе приснится, что ты сам по себе опростался? Уж не к богатому ли внутреннему миру это? Никто из нас не море, чтобы ждать у него погоды. Кто-то океан, кто-то река... Я вот, к примеру, лужа» ... «Но даже лужа ждёт, ждёт верно и преданно, ждёт своего собственного, не похожего на других дождя. Пускай он будет хоть из лягушек – лишь бы был. Нужно не собираться ждать, а ждать, ждать назло и вопреки всему», – возразил ему некстати очнувшийся Голос с потолка.

В странном мире есть странные слова. Вот говорят о ком-то: «Он стоял за правду». Где? Когда? Зачем? За шкафом? И если стоял, то в какой позе?.. И почему эта правда сама за себя не стояла? Она что – сдала позиции? Хотя почему сдала... И снова вопросы – как шпион сдала, по какому курсу сдала, сдала экстерном как экзамен? Или, вот слово «сидеть». Рассмотрим вариации. Он сидит в тюрьме... Да ни фига он

там не сидит! Он в постоянном движении. Пытается остаться целым, работает, шестерит, ждёт «звонка» ... Хотя, как можно ждать понятие? С чаем и печеньками или коньяком и шашлыками? А вот ещё – она сидит в очереди. Куда? Да куда угодно! Понятие очереди – динамичное. А понятие «сидеть» очень далеко от мобильности. В общем, каков мир, таковы и слова в нём. Впрочем, если бы странности ограничивались только ими...

«...Очень страшная вы женщина, Мефодий!» – демонически рассмеялся сверху кто-то голосом Старого Казака-гостевана. «Я не страшная... Тьфу-ты! Я – не женщина!», – закрываясь руками от заполнившего всё окружающее пространство смеха прокричал Меф.

За окном стояла квадратная ночь. Квадратной она была то ли потому, что день перед этим был круглым, а ночь от дня, хоть и в состоянии запоя, но всё-таки должна иметь отличия, то ли потому, что квадратной была голова Фоди после того количества портера, которые они за последние дни на четверых уговорили.

«Женщина?.. Страшная?.. А знаешь ли ты, что страшным женщинам грешить в девять раз проще, чем красивым?», – вывел Мефа из оцепенения голос Космоса, – «Ведь для симпатяжек «профильной» является только одна заповедь – седьмая, а для дурнушек – все оставшиеся девять. Так что ты, Фоденька, в зоне риска. Тем более, что имеешь

неосторожность внятно разговаривать во сне». «А? Что? Я спал?» – всё ещё не разогнав туманность перед глазами, пробормотал Меф. В другой раз этот участок межзвёздной среды, зависший перед глазами Мефа, можно было бы списать на Андромеду, но так как женщин в их компании с первого глотка посиделок отмечено не было, банальным объяснением ей служили контрабандные «козы ножки» Космоса, коих накануне сабантуя из Голландии ему доставили изрядно. «Что с тобой, добрый молодец?», – настороженно поинтересовался Гусяр-самодур, – «А то, не приведи Господь, белочка в гости пожаловавши и санитаров звать пора, а я тут уставший?» «Да, нет... Точнее... Кажись, нет... Каждую ночь привычку взял снится... Совсем измотал уже этот сон... Так что я ни в чём не уверен», – отхлебнув портера со дна кружки и тем самым окончательно проснувшись, подытожил Фодя. «Что, «некрасивая вы женщина», Мефодий?» – уточнил Голос с потолка. «Он самый гад, будь он не ладен», – с неохотой подтвердил Меф. «Да, я смотрю, ты бесповоротно повзрослел, мой мальчик», – с улыбкой на лице серьёзно сказал Космос. «Настало время тебе кое-что узнать. Лучше уж это расскажу тебе я, чем тебя случайно научат «туалетные дедушки». «Туалетные дедушки?» – переспросил Фодя, – «Это те, которые часами стоят у писсуаров общественных уборных?» «Они самые, дорогой мой, они самые. Дайка, я обновлю тебе голову и портер, а ты пока послушай меня», – Космос глубоко затянулся самокруткой. «Эх, хорош

табачок, да отступать некуда, позади...», — он, так и не решив, что позади, стремительно затушил окурок в банку из-под шпрот и надел на себя выражение лица, которое ничего, кроме длинного щекотливого разговора, не предвещало.

Когда читаешь «между строк», всегда выходит «как-то так». Вы никогда не задумывались, что большинство наших проблем произрастает из нашей же недосказанности. Нашей недопонятости. Из нашей всеобщей недокоммуникабельности. Мы боимся быть неправильно понятыми, не так истолкованными, превратно объясненными и не ко двору принятыми. И никто, почти никто из окружающих не скажет тебе в лицо «подожди, не наломай дров», «на твоём месте я бы так не делал» или «тут ты был не прав, исправь немедленно». Наоборот, замрут в ожидании счастья, что у тебя-соседа «корова сдохла». Почти, потому как те, кто не смолчит, среди нас редкость редкая. Но они, хоть и крайне редко, но всё ещё встречаются. Назлю всему. Люди, разговор с которыми действует как протрезвляющий кулак промеж глаз. Люди, которых посылает тебе твой ангел-хранитель Космос, ибо его самого хватать на всех техническим заданием не предусмотрено.

«Дорогой мой Меф», — издалека начал Космос, — «Наши приятельские отношения давно уже переросли в настоящую мужскую дружбу. Мы можем позволить себе пить портер со

шпротами и за глаза называть друг друга корешами. И это, поверь мне, что-нибудь да значит, причем в глобальных масштабах.» Космос из всех сил старался вызвать к себе доверие, – «С Вселенной ты тоже знаком. Пока что шапочно, но, уверяю тебя, это только пока. Но не приходило ли в твою просветлённую голову, что Космос и Вселенная – суть одно и то же, только Космос – имя рода мужского, а Вселенная – женского? Так какая, между нами, разница? Но так уж повелось, что Космос есть Космос, а Вселенная есть Вселенная. Меня любит Андромеда, Вселенная любит Человека, каждый из нас идёт своим половым путём. Но могло бы всё быть несколько иначе.

Думаю, ты догадывался, что изначально этот путь для нас с Вселенной был единым? Я исполнял мужские обязанности – охотился с Гончими Псами на Большую с Малой Медведицей, добывал Рыб и Раков и нёс всё в дом. Вселенная, как и положено женщине, заботилась об Овнах, Тельцах, Козерогах и прочей домашней скотине, готовила в Печи Геркулес, тусовала с Андромедой, Кассиопеей и прочими Девами. В общем, всё как у людей. Так было до тех пор, пока не появился Змееносец. Он-то и напел Вселенной, что она тоже может охотиться не хуже моего, а мне было бы не лишним уделять побольше внимания домашнему очагу и бытовым заботам. Со временем наши супружеские обязанности размылись настолько, что чисто мужского и чисто женского в них не осталось ни на шпроту, тьфу-ты, йоту», – Космос

наколел на вилку пару жирных шпиротин и продолжил.

«Дальше начались проблемы с идентификацией. Ведь у нас, мужиков, как? Что в женщине на первый раз увидишь, тем она навсегда для тебя и остаётся. Именно поэтому при-
ставать к жене на пятом году брака со своими сексуальными фантазиями чревато. Но вместо девушки, растрепавшей Волосы Вероники по Млечному Пути, я к тому моменту наблюдал рядом с собой Центавра в женском платье, да и сам периодами стал ощущать себя Гидрой в рыцарских латах. Со временем это приобрело настолько изощрённые формы, что меня стало уже интересовать, что ощущает Вселенная, имея дело со столь вожделенным мной? Захотелось новых ощущений, появилась тяга познать ещё не деланное и сделать ещё не познанное. И хотя такие мысли казались мне и несколько противными, но они, признаться, подспудно манили».

«Некоторым кажется, что им что-то кажется», – решил разрядить изрядно поднапрягшуюся от внезапно нахлынувших на Космоса воспоминаний обстановку Голос с потолка, – «Иногда им кажется то, что им совсем не кажется, а другим вот не кажется, они, даже не крестясь, считают первых странными. Странные люди в странном мире. Купание строго запрещено! Значит, если делать это ласково, нежно, мягко и добродушно, то – „полный вперед!“ – купайся сколько влезет. Хотя, куда это „купайся“ может влезть и откуда потом вылезть, вот в чём вопрос...»

На самом деле любой нормальный мужик, заходя в помещение, где присутствуют голые мужики, будь то баня или общественный туалет, свой первый взгляд бросает на их мужские достоинства. Не потому, что не прочь немного «поиметь с ними дело», «свести концы с концами», но потому, что подсознательно хочет убедиться, и его достоинство достаточно большое и мощное. «Моё мужское достоинство круче твоего мужского достоинства», — он всегда закомплексован на этом, и именно этой неуверенностью объясняется его любопытство к превосходящим его размеры мужским причиндалам. Любопытство, из-за которого, хоть на долю процента, но он допускает в себя ощущение своего непротивления немного поиметь с ними дело. Пытливость, продиктованная не влечением к чужому половому члену, но исключительно мужицкой тягой первооткрыть — ощутить, познать, сделать так, как ещё было, попробовать по-другому, а не так, как уже есть сейчас и, если отмотать ситуацию на момент «до того».

Тем временем, пока Голос толкал свои умиротворяющие речи, в просветительских целях, со стороны прихожей что-то ухнуло, бухнуло и покатилося. Ничем иным, кроме как стряхиванием с хвоста задремавшего прохвоста-Оказии таки добравшимся до берлоги Мефа Филином, это быть никак не могло. Оправившись с дороги, гости трусили с себя дорожную звёздную пыль и постарались, как можно более

незаметно подсесть к столу. Надо сказать, это им очень даже удалось, ибо никто из увлеченных диспутом собутыльников их прибытия в тот момент не заметил. «И вот, когда я всё чаще и чаще начал ловить себя на мысли, что я, Космос, не прочь почувствовать себя Вселенной с другим Космосом или Космосом и другим Космосом», – в очередной раз промочив горло портером продолжил Космос, – я вспомнил себя «до того» – юношей выюным, для которого даже колебания на эту тему были невозможны. Потом, посмотрев на себя, сформировавшегося – мужика, с нормальным набором хромосом, без проблем с потенцией и женским вниманием, но с потребностью в новых ощущениях и действиях, я понял, наши отношения с Вселенной стали очень похожи на супермаркет «Всё для счастья и любви», любви по закону о правах потребителей. Закону, по которому я могу потреблять, кого и как мне заблагорассудится, но меня могут потреблять абсолютно точно те же и точно также. С тех пор Вселенная и любит Человека, а Андромеда – меня. И всё это – нормально, хотя и палку перегибать тоже нельзя...»

Нельзя перегибать палку, ибо настоящее неминуемо станет прошлым, а палка отскочит в лоб тебе уже в будущем. Если человек твой, то его неминуемо должно хотеться распыть. Или раз шесть. А в оставшееся время четвертовать и третировать. До двоения в глазах и полного единоначалия. В любом ином случае – ставить на zero. Многие ошибоч-

но принимают жизнь за рулетку. Не играет ставка на «красном», подфартит на «чёрном». Можно допустить, что такие игроки знают в жизни многое, но никогда не учитывают, что сумма всех ячеек рулеточного колеса равна шестистам шестидесяти шести. Хочешь понять себя – слушай голоса в своей голове. Они плохого не посоветуют. Хотя бы из-за того, что крайне не заинтересованы лишиться своего обиталища. Ведь кроме тебя, по большому счёту, они никому не нужны. Да и ты, если призадуматься, тоже.

«Так мы можем договориться до того, что любой чужой хрен редьки своей зализанной может быть слаще, господа хорошие. Своя, она и на чужом дворе хороша. Особенно на чужом, я бы даже сказал», – вышел из онемения от услышанного Гусляр-самодур. «Ты, Фодя, меня, конечно, извини, но мне время потребуется, чтобы всё, что Космос сейчас тебе про сны твои навязчивые провешал, переварить и усвоить. Так что ты налей и отойди, от греха подальше. Я, когда пьяный, невсебяемый случаюсь. Не приведи Господь, втебиться могу. Кулаком. Любя, конечно, но всё же... Вы лучше, чем разговоры щепотливые вести, за портером бы в прихожую прошествовали, да наливали уже за встречу долгожданную. Авось, там сумка с чёрным зельем вновь появилась, время всё же, как-никак...» Чутьё Гусляра не подвело – у входной двери стояла не понятно откуда в очередной раз материализовавшаяся потрёпанная временем хозяйственная сумка,

битком набитая пузатыми бутылками тёмного стекла.

«Бабы у тебя давно не было, Мефодий», – тоном знатока примирительно заключил Оказия, – «А та, что была, не баба, ей Богу, а душой дура. Отсюда все ноги из ушей и растут, кому как не мне знать-то! Я вот тоже исподнее мужское да ношенное Филина подговаривал тырить в интересах срамных да собственных, а уж что творил с ним потом и вспоминать непечатно как-то. Фил раз за это от Аглаюшки, по пьяни попавшись, так получил, что на покой с работы почтовой увольняться привелось. Но вот, как появилась в жизни моей содомитской Зинаидушка – свет моих очей, оно само по себе как-то и рассосалось, в самом натуральном смысле этого слова. Так что баба тебе нужна, а не дура, хоть и эмансипированная. Да, Филя-Филимон?» «Истину глаголешь, подъесаульник в отставке. Ну, что стоим, кого ждём?» – с ехидцей ухнул за их спинами Филин, – «Разобрались – пора и честь знать да за встречу пить! Айда к столу, а то заждались нас там уже, авось-на-небось».

«Насилья над собой с рожденья не терплю, особенно когда я сам себя насилую...», – с непередаваемым пафосом продекламировал полупризнанный поэт вселенского масштаба. В отучневших от выпитого глазах внимавших его вдохновению собутыльников одномоментно вспыхнул немой вопрос. «Хоть не складно и не ладно, а бельишко не прохладно!», – ничтоже сумняшеся заявил довольный собой Космос, – «Ну,

«в общем», «как-то так», и «вы меня поняли»!»

Впрочем, понимание озарило лица исключительно коренных жителей Засторонья и примкнувших к ним толмачей. Меф уже с час как безмятежно спал.

Терапевтический эффект беседы с Космосом, усиленный несколькими кружками портера, имел место быть, и «страшная Вы женщина, Мефодий» более не беспокоила. На смену ей пришёл детский калейдоскоп из цветных стекляшек, который кто-то неведомый плавно вертел под сомкнутыми веками Мефа подобно рычагу шарманки Папы Карло. Образы складывались разные, но тревожности не приносили, а посему спал Фодя размеренно и чинно. Внезапно, сквозь круговорот фракталов, до слуха Мефодия полузабыто донеслось: «...Мефодий, где же ты, однопомётный мой?». Почему-то сразу возник образ позапрошлогодней кассирши с распродажи, но Мефодий сделал над собой усилие, и морок развеялся. На смену ему прислали изображение темно-зелёного стекла бутылки муската в изящной женской руке. Задником ей почему-то служила усатая морда флегматичного сома. Внезапно рыба сделала сальто назад, плеснув хвостом так, что даже сквозь сон до лица Мефодия долетели брызги холодной аквариумной воды. «Аглая?», – только и успел прошептать Меф, и проснулся.

Перед лицом всплыла натужно улыбающаяся физиономия Оказии. В руках у Зинаидиного мужа был невесть откуда взявшийся пульверизатор для глажки белья, нацелен-

ный Мефу прямо промеж глаз. «Очухался, противный?», – Оказия с ехидным смешком в последний раз брызнул в лицо Фодю и отложил «годильник» подальше от греха. «Спит, видите-ли, он! Мы тут с ума сходим, не угоремши ли наш добрый молодец, а они спать изволют! Видать, нельзя тебе, мил человек, портером-то так увлекаться...»

В момент протрезвевший Фодя молча встал и в порыве решимости собрал со стола все недопитые бутылки с чёрной жидкостью. Нетвёрдым шагом подойдя к раковине, он, на глазах изумлённой публики, вылил остатки былой роскоши в сток, после чего сел за стол и закурил, чего не случилось с ним уже множество лет. «Вот це мне любо!» – поддержал его из межпотолочного шва Старый Казак и шваркнул в сторону раковины остатки самогоя из своего гранённого. Но, так как годы брали своё и зрение у Казака было уже не то, он промахнулся, и первач пришёлся ровно на Фодину макушку.

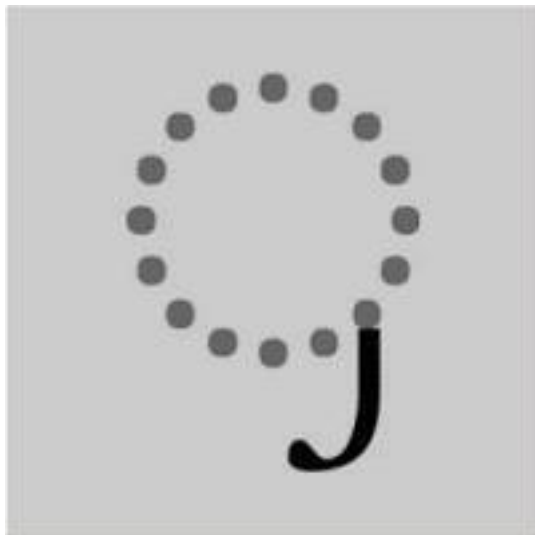
Мефодий обтекал. Пахучая ядрёная жидкость струилась по лицу, так и норовя застить глаза и затечь в рот. Меф поморщился и фыркнул: «Ну что, господа хорошие, посидели – пора и честь знать. Собираем манатки и готовимся на выход. Со стола я сам приберу».

«Ну что, мужики? До пивняка и разбежались, раз хозяин так явно нам на дверь указывает», – с еле теплящейся надеждой в голосе то ли предложил, то ли констатировал неизбежное Гуслар-самодур. «Слова не мальчика, но мужа», – затихая, назидательно произнёс Голос с потолка. «Я стар, я супер

стар...» – завёл свою шарманку Космос, – «А для такого кипеша вдвойне. Тем более меня Андромеда ждёт». «Ну, хозяин – барин», – звучно ухнул Филин, и подхватив на хвост слабо к тому моменту сопротивлявшегося Оказию, на пару с Космосом растворился в дверном проёме.

«Хорошего – помаленьку, горького – не до слёз, а подстрекателей не бьют», – только и успел подумать им вслед Меф, как в прихожей вновь материализовалась потрёпанная временем хозяйственная сумка, битком набитая пузатыми бутылками тёмного стекла.

Лучшее, конечно, впереди

Шестая, обращенная исключительно в себя часть начинающего становится долгоиграющим радиоспектакля на коротких волнах.

«Ванная – место, где можно остаться совсем одному, сбросить груз забот, растворить их в воде», – нагло передирал со старой магнитофонной кассеты шосткинского комбината Автор-жгун, – «Дверь заперта и сюда не войти уже

никому, ты, наконец, один в этой белой пустоте» ... Качество записи на порядком размагниченной плёнке явно страдало, и начинающему плагиатору приходилось по несколько раз отматывать назад, чтобы записать хромающий ритмом текст слово в слово. «Ванная – то место, где можно раздеться совсем донага, вместе с одеждой сбросить улыбки, страх и лесть. И зеркало, твой лучший друг, плюнет тебе в глаза, но вода все простит и примет тебя таким, как ты есть».

«Думаешь прокатит?» – внезапно спросила Автора Совесть, – «У всех не прокатывает, а у тебя прокатит?» «Слушай, Совесть, откуда ты взялась?» – Жгун был явно огорочен её внезапным угрызением, – «Я же тебя в первом классе на ластик променял. Белый такой, мягкий, со слоном, он ещё бумагу не драл». «Бумерангом к нам всё возвратится», – нараспев промурлыкала Совесть и довольно хихикнула. Автор перелистнул страницу и продолжил манипуляции с магнитофоном. «О, Боже! Как хочется быть кем-то – миллионером, рок-звездой, святым, пророком, сумасшедшим или хотя бы самим собой... Самим собой? Это сложно... Это возможно только здесь».

На очередном ревинде пассив моторчика магнитофона не выдержал, и Автору пришлось прибегнуть к помощи старого проверенного друга – карандаша. «Ванная – то место, где так легко проникнуть в суть вещей, поверить, что ты знаешь, где правда, а где ложь, а главное – никто не видит, чем ты занят здесь – то ли режешь вены, то ли просто блюешь. О,

ванная комната! Пою тебе хвалу за простоту, за чистоту, за мыло и за душ, за всепрощение, за воскрешение, за очищение наших душ!», – полуакустическая гитара закончила блюзовый квадрат флажолетом, и Автор-жгун занёс авторучку над концом строки. «И?», – спросил Автор настырно зудящую Совесть. «И? Чё?» – передразнила его она. «Ничё...», – слабо попытался оправдать себя он. «Ну и всё», – заключила Совесть. Жгун поставил жирную точку, нарисовал значок копирайта и приписал: «Майк Науменко, группа «Зоопарк».

«Интересно, ты позволишь мне в рамках одного рассказа посчитать уборную тоже ванной комнатой?» – обратился Автор к Совести, – «Ты ж меня в первом классе на ластик», – уклончиво ответила она, – «Так что теперь поступай, как знаешь, взрослый уже». «Ну, санузел в моей квартире совмещенный, так что, отбросив в общем принципы, я недалёк от истины», – внезапно для себя в рифму заключил Автор и, заметив в этом знак свыше, сделал глубокую затяжку.

«Отношения...», – не продрав горло, с места в карьер вступил Голос с потолка. Гусяр был временно недоступен так как надясь имел неосторожность самодурно зависнуть на хвосте Филина в тёплой компании прохвоста Оказии. Потому Голос сеял доброе, разумное, вечное в гордом одиночестве, отчего был краток и немногословен. «Отношения – это пресс-форма, в которую мы заливаем содержимое ду-

ши. В наших мирах, куда так редко и выборочно мы выпускаем Своего Человека, отношения настоль разнообразны, что формы их можно перечислять до бесконечности: дождь-лужа, река-море, маньяк—жертва, ложка—тарелка. Мозаика отношений собирается по принципу ведущий-ведомый, начинаясь с «шестидесяти девяти», но в итоге всегда стремясь к «девятисто шести».

«Устал, простыл, хронический недосып», – с самого утра крутился в голове у Мефодия речитатив известного в узких кругах рэпера из третьей столицы. С самого со сранья изрядно помятый Меф торчал в офисе. Несмотря на то, что руководство протрубило общий сбор, вокруг никого и ничего не происходило. Мефу не оставалось другого, кроме как, стоя у полноростового окна курилки, напряжённо вглядываться в даль. Даль заслоняла консервная банка соседнего бизнес-центра, и поэтому складывалось впечатление, что Фодя что-то судорожно, но тщетно ищет глазами в окнах соседских офисов. Когда он уже готов был плюнуть на это дело и вернуться в опенспейс, в ухо неожиданно постучался сиропно-приторный нисходянок букв: «Вы не заблудились? Я могу Вам чем-то помочь?» Меф резко развернулся, и его глаза упёрлись в бейдж: «Эраст Краснопуськин, служба курьерской доставки».

«Очень страшная Вы женщина, Мефодий!», – не терял инициативу курьер, – «Вот наблюдаю за Вами уже несколь-

ко лет – ни стиля, ни шика, ни шарма, ни лоска. О блямуре вообще промолчу... Вечно взъерошенная, чего-то там себе думающая. Но какая же, не смотря на все эти недостатки, у Вас попочка, Мефодий! Да и горло, судя по тому, как вы иногда кричите на подчинённых, тренированное. Пухлость губок, надеюсь, не накусанная?» – убедившись, что гарантированно обратил на себя внимание, затоковал Краснопуськин, – «Может быть да как-нибудь, ну что, куда? к тебе? ко мне?» – с приторно-сладким выражением лица он попытался приобнять Мефа. «Ты что, из этих что-ль, „туалетных дедушек“, краснокочаный Эрос?» – Меф машинально развернулся к нему передом и инстинктивно попятился назад. «Я – Эраст, Мефодий, Э-э-э—раст. Я почти по зданиям разношу, корпоративную, я давно тебя заприметил». «Я-то тут при чём, Эраст?» – насилу удержался от рифмы Меф, – «Бред какой-то!». «Бред – не бред, но прав был один тверской губернатор, когда про говорящие фамилии писал, а уж говорящие имена вообще „ммммм“, скажу вам!» – недвусмысленно выдохнул ему в лицо Эраст и, неприлично вихляя полупопиями, направился в сторону стороны выхода из курилки. Отворив массивную дверь клозета, он в крайний раз обернулся и хитро подмигнул: «А ещё Вы глупая женщина, Мефодий!» После чего растворился в бесконечных коридорах по-утреннему хмурого бизнес-центра. Точнее, растворился только сам Эраст, слова он намеренно оставил в предбаннике уборной, с усилием захлопнув за собой дверь.

«Вы когда-нибудь задумывались, почему наши отношения складываются тем или иным образом? Или рушатся как карточный домик от любого дуновения ветра из-под носа», – несмотря на то, что Голос читал по бумажке, живости в нём начинало прибавляться. Видимо сказывалась востребованность, на фоне которой обида на Гусляра потихоньку отходила на второй план, – «Почему, сколько бы усилий мы не прилагали, как бы не пытались изменить себя внутри этих отношений, даже посещали психоаналитика, итог один – отношения, обречённые быть разрушенными, неминуемо покоряются фатуму», – он на секунду замешкался, перечитал заново про себя последний абзац и запутался окончательно. «А что, если модель отношений переложить на более простые, пусть даже и самые смелые аналоги, как абсурдно бы это не звучало?» – Голос с потолка предпринял слабую попытку выйти из положения, заодно надеясь самому разобраться, что здесь, где и за чем находится почём.

«Представь, ты стоишь в торговом центре перед дверьми клозета. Девочки – налево, мальчики – направо», – услышала где-то в районе гипоталамуса Аглая, – «В какую из дверей ты пойдёшь, если будешь уверена в своём моральном одиночестве и аморальной безнаказанности? Ведь если из двух дверей ты не выберешь для тебя неизведанную, то какая ты после этого женщина? А если и выберешь, то, как же быть

с тем, что ты какая-никакая, но всё-таки женщина?» «Я... Может быть... Может быть завтра?» – отступая от внезапно возникшей перед её глазами преграды робко проямлила Аглая. «Нам изо всех утюгов стараются втюхать твоё «завтра», – перехватил инициативу голос из района гипофиза. «Купи вот этих чудодейственных пилюлек, питайся по вот этой распрекрасной диете, сделай вот эту волшебную операцию и завтра ты проснёшься здоровой, стройной и, вообще, все мужики будут штабелями укладываться у твоих ног. Не «сделай это сейчас и будь счастливой сегодня», заметь, а именно заплати сейчас и жди завтра. Купи себе своё распрекрасное завтра...»

«Постойте-постойте! Про завтра я уже писал!» – возмутился вдруг откуда не возьмись прямо ввысь появившийся Автор-жгун, – «Это – плагиат, я жаловаться буду!» «Оба-на, Автор из ларца инь-в-янь-вставивший с лица! Ты как здесь?», – рассмеялся ему в ответ тонкий девичий голос грудным женским смехом. Вероломно осаждённый Жгун без заминки идентифицировал свою так некстати оказавшуюся в неожиданном месте в нежданное время Совесть, – «А кто это у нас не далее, как энного дня у покойной рок-звезды текстик стырить пытался?» «Но я же не это... Я же не стырил, в смысле. И вообще, я исправился!», – с вызовом заявил труженик пера. «Завтра?», – сделав вид, что не заметила уязвлённых реляций своего обладателя, резко перевела тему раз-

говора Совесть, – «Да-да, припоминаю, было дело... Ты писал что-то про завтра. Но про завтра завтрашнее, завтра вообще. А у нас тут завтра наше нашенское, завтра женское, посему оно всесторонне законкретизированное, дюже узкоспециализированное и чуть ли не глубоко законспирированное. Так что займи своё место, от греха подальше, и слушай. Где грех – сам разберешься, взрослый уже». «Со временем ты забываешь, что живёшь, всё-таки, сегодня, а так красиво разрисовываемое в рекламе завтра по жизни настоль же достижимо, как и локоть для укуса», – продолжилось в районе Глашкиного гипоталамуса, – «Тебе говорят „сегодня ты делаешь своё завтра“, но при этом молчат, что твоё сегодня в данный момент не делает никто. Так может и стоит „случайно“ ошибиться дверью туалета, сделав тем самым хоть чуть-чуть своего сегодня самой, чтобы в никогда осязаемо не наступающем завтра не было мучительно больно за бесцельно прожитые, может быть, именно без этого кусочка сегодня, годы?» «Ну, я пошла?», – могло показаться, что в пустоту, спросила Аглая. «Ага, шуруй, лады, вкалывай! Лучше пусть тебе будет стыдно завтра за то, что будет сейчас, чем всю оставшуюся жизнь, за то, что не было стыдно сегодня», – ответил ей хохоток из района гипоталамуса. «Вперёд и с песней!», – толкнул её в спину «гипофиз». «Ноу Фьюча», – пародируя скандально знаменитую панк-группу прогнусавил «гипоталамус». «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит», – затянула Глашка и сделала первый робкий шаг

по направлению вперёд. «То моё сердечко ноет, как осенний лист, дрожит», – подхватили женские голоса и оставшаяся за спиной Аглаи массивная, обшитая шпоном дверь предательски захлопнулась.

«Отношения есть везде, они складываются ежесекундно и это их нормальное состояние», – разруливал на магистраль с просёлка Голос с потолка, – «Вот зашли Вы в метро – оставили позади себя отношения с улицей. Всё – отношения „Вы и Улица“ разрушены, их можно восстановить лишь только в случае, если вспомнить, что забыли купить любимый батон в булочной за углом перед входом в подземный переход. Но, как не склеить разбитую чашку, так и они не вечны. Нет, у Вас сегодня девятибалльно ещё сложатся отношения с Улицей. Но это будет уже совершенно другая Улица. Итак, Вы – в метро. Метро располагает уже к зоологическим параллелям. Какая чехарда отношений! Отношения с той недовольной тёткой из кассы», – здесь Голос невольно поморщился, – «Отношения с заспанным дядечкой у эскалатора, отношения с людьми на нём, отношения с людьми в вагоне... Мужчины, входя в него, крутятся, как собаки, собирающиеся отложить кучку. Женщины – ведут себя, как кошки, пытаясь влезть в самые укромные пространства, а когда двери закрываются, все моментально становятся коровами, тупо глядят в одну сторону и покачиваются в такт скотовозке. Всюду жизнь! А там, где есть жизнь – всегда будут отно-

шения».

«Совсем что-то наша в девках засиделась», – продолжила «гипоталамус» тоном, будто Аглаи рядом и в помине не было, а сами голоса звучат вовсе и не в её голове, – «Мужика бы себе хоть какого-никакого завела, для здоровья, «кекс-онли», так сказать. А то хиреет наша девка на глазах! Глядишь, и до синих чулок уж недалече...» «Да, о каком «кекс-онли» ты можешь говорить», – возразила ей «гипофиз», – «Когда наши мужики проститутток до утра продлевают исключительно за-ради «А поговорить»? Не в их это менталитете «кекс-онли», впрочем, как, если пристально задуматься, и сам этот кекс, крекс-пекс-фекс. В их ментальности – трах. Бессмысленный и беспощадный. А кекс... Кекс изделие кондитерское, оттого нашим мужикам, которым борща, да понаваристей подавай, непонятное и идеологически чуждое. «Ты кексом занимался? Нет, но уже категорически осуждаю!» «А у меня вот, в своё время, были такие отношения», – попробовала слабо возразить «гипоталамус», – «И ничего, зато живу, цвету и пахну..., тьфу, благоухаю!» «И что тебе в этом «кекс-онли» больше нравилось, когда кто-то был «кекс-онли» тебе или, когда ты сама была для кого-то «кекс-онли», – с едва уловимой насмешкой поинтересовалась «гипофиз». «Честно? Больше всего мне нравилось бухать в перерывах между этими отношениями». «Вот и я о том же... Не получается радоваться жизни? Поздравляю, подруга! Ты не жи-

вёшь, ты – существуешь». Жизнь вообще такая штука, как на неё не посмотри, с одной стороны, она – супер, но с другой стороны – то морда, то задница. Все мужики – звездуны, болтуны, лицемеры, гордецы и похотливые трусы, достойные только презрения. Все бабы – хитрые, хвастливые, любопытные и развратные сучки, заслуживающие осинового кола Великого Инквизитора. Но самое святое и возвышенное в их мире – союз двух таких несовершенных и отвратительных существ. И неважно, куда катится их мир, главное, чтобы не укачивало по дороге», – «гипоталамус» в расстроенных чувствах сквозь зубы сплюнула излишками накопившегося за время её пламенной речи вазопрессина в район Глашкиных ассоциативных зон и напряжённо замолчала.

«Всё, что нас ежедневно окружает, это не более, чем общественные отношения», – с небольшой заминкой, под впечатлением от своего неожиданного зоопассажа, продолжил Голос с потолка. «А что творится в наших мирах, куда мы так редко и выборочно впускаем Своего Человека? Каковы отношения внутри этих миров? О, они настоль разнообразны, что перечислять все их формы можно до бесконечности! Море – судно, маньяк – жертва, рыбак – рыбка, растение – садовник, подушка – голова, цветок – пчела, кольцо – палец, чистый лист – перо, тарелка супа – ложка, дождь – радуга, фильм – зритель...» Голос, хоть и в рамках генеральной линии, но закономерно начинал нести отсебятину, что, в прин-

ципе соответствовало тренду повествования, так и стремившегося выйти из-под какого-либо контроля.

Исследовавшей пространство мужской уборной, с высверленными тридцатым диаметром сквозными дырами в перегородках, Аглае было явно не до того, а посему прислушивалась она к салонным беседам в своей голове в половину среднего уха. Её более заботило иное. То ли в силу пикантности и новизны ситуации, то ли из смешанного со страхом стыда быть застигнутой врасплох, а может просто от изучения похабных рисунков и недвусмысленных надписей на стенах кабинок, она внезапно испытала приступ дичайшего возбуждения. Войдя в крайний от входа отсек, она на уровне глаз обнаружила цитату из классика: «Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей». Крылатое выражение было зачёркнуто и чуть ниже исправлено на парафраз: «Чем больше женщину мы меньше, тем меньше больше она нам». Однако и этот вариант кого-то из местных завсегдатаев явно не устроил, и он, вымарав предыдущий, оставил для истории автограф: «Чем меньше в женщине загадок, тем больше пофиг мужикам». Конечно, написано было не «пофиг», всё выглядело гораздо брутальней и даже было должным образом проиллюстрировано. Но, вероятно, в силу именно этой наглядной натуралистичности, этого расширенного эмоционального диапазона матерного слова, состоящего из знаков икс, игрек и ещё одного неизвестного высшей математи-

ке, Аглая, на какой-то миг спонтанно напряглась и внезапно расширила себя улыбкой.

«Не будет спокойным море – потонет судно», – продолжал по полям, по долам Голос с потолка, – «Предложит жертва самой занять позицию сверху – маньяк превратится в импотента, не соблазнится рыбка на наживку – рыбак лишится самомнения, завянет любимое растение – садовник перекалфицируется в писсиониста, не будет удобна подушка – голова изнашивается от мигрени, не будет цветок богат на нектар – так и простоит холостым всё лето», – Голос задним умом понимал, что его несёт, но сказать себе «стоп!» было выше его сил, – «Не подойдёт кольцо по размеру – останется палец без украшения, не найдётся перо – останется девственно чистым лист, не найдётся ложки – суп покроется слоем жира, не пройдет дождь – не появится радуга, будет плох фильм – зрители разойдутся не дождавшись финальных титров».

«По наблюдениям за чулками, носками и колготками я сделала вывод», – то ли спросила, то ли констатировала внутри себя вернувшаяся с искрящимися глазами Аглая, – «Имея две ноги, растущие из одного того самого места, я имею разный пробег на каждой из них – правый носок всегда изнашивается гораздо быстрее левого. Как такое может быть?»

«Господи, да кто тебе сказал, что носки должны быть оди-

наковыми?» – ответила ей «гипоталамус», – «Ну, если одна твоя нога чувствует себя красной, а другая – зелёной, что ты можешь с этим поделать? Другое дело, что одна нога – толчковая, ей всегда достаётся больше она же всю твою жизнь вперёд толкает. А то, что толчковая у тебя правая – это хорошо. Мы так и запишем, к походам налево предрасположенности не имеет. Другое дело, что при толчке справа, по всем законам физики, усилие направлено влево, но это уже из области „знание приумножает скорбь“, так что оставим его мужчинам. Ведь у женщин свои секреты?» «Слава Богу, наконец-то, я поняла, почему в моей жизни все так запутанно», – прошептала Глашка. «Как всё, оказывается, просто! Я же правый носок от левого не отличаю, путаю их постоянно, вот и ношу их неправильно!» «А может это и верно?», – хором ответили ей в голове, – «Ведь так они и изнашиваются равномернее, всё какая-никакая, но на шпильки экономия. Шпильки – это же для женщин по типу Пушкина, в смысле – наше всё...»

«...Можно, конечно же, найти лазейки, но зачем? Всё всегда должно быть на своих местах», – долго запрягав и быстро поехав, всеми присущими красками заиграл драматический тенор-баритон Голоса с потолка, – «В том числе на своих местах должны быть и участники отношений. Хороша же будет связь маньяка и ложки, моря и садовника, фильма и радуги!.. Идеальные отношения должны с первой же секунды

начинать удивлять вовлечённых в них своей лёгкостью, и в итоге сложиться, как пазл, или же не складываться вообще».

Только к вечеру изрядно помотанный информационными технологиями Мефодий наконец-то смог добраться до рабочего места. На столе ждал недопитый с утра кофе и запечатанный, размером с лист офисной бумаги, конверт. Ни адресата, ни отправителя на нём указано не было. Мало того, что столь официальным образом к Мефу никто никогда и ничего не слал, сам конверт, в отличие от своих многочисленных белых и охровых собратьев, был голубого цвета. Заинтересовавшись таким поворотом событий, Фодя прогуглил всё, что касалось деловой корреспонденции в голубых конвертах. Кроме информации, что в транснациональных корпорациях именно в таких разносят уведомления об увольнении, ничего в логичный строй его мысли всемирная паутина не привнесла. По мере того, как таяли последние надежды на иное толкование происходящего, Меф всё больше и больше накручивал себя. «Увольняют? За что? Я же никогда, нигде и ни разу... Не состоял, не участвовал и не привлекался... Со всей душой, корпоративной этикой и в соответствии с дресс-кодом...». Закономерно, что в конце концов весь этот поток сознания слился в единый гулкий набат «Уволен», ухавший в мгновенно опустевшей голове Мефа.

Внезапно память выбросила спасательный круг в виде намеренно забытой Мефом истории увольнения с предыдуще-

го места работы. Тогда, не послушав примет, он оформился в мае и промаялся год с небольшим вплоть до увольнения по собственному желанию. «Прямо как с женитьбой», – отшучивался перед друзьями и близкими добровольно ставший безработным Меф. Когда-то солидная контора, со временем растащенная менеджментом по карманам, явно дышала на ладан и перед ним стоял выбор, либо вовремя «спрыгнуть с темы», либо быть погребенными под обломками офисного счастья. Должность он занимал отнюдь не крайнюю, поэтому ставки были высоки. «Физиками» в те времена называли не людей, владевших знаниями из этой области науки, но тех ребят во вьетнамских спортинках и резиновых кроссах, которые намеренно перебирали с занятиями физкультурой. Для Фоди это являлось как приметой того времени, так и железным основанием не иметь знакомств с такими представителями конторских кредиторов.

Увольнялся он, как сказал бы ушедший на сорок четвёртом году жизни неоклассик, «заснежено и натужно, словно мучительная капуста». Отпускать Фодю не хотели, явно планируя на роль козла отпущения, а посему насакомили проверками финансово-хозяйственной деятельности, буратинили невыполнимыми поручениями и постоянно задерживали выплату и без того уже не заоблачной зарплаты. Но при этом периодически предлагали отозвать своё «по собственному», намекая на скоропостижное окончание проблем. Под конец нервы Мефа были расшатаны до состояния гиперемии, но

терпение и труд, в конце концов, всё между собой перетёрли, включая курировавшую его замшу генерального, пойманную за руку во время очередной, инспирированной ею же, проверки Мефа. Так что заявление ему, скрипя сердцем, но, всё-таки, подписали, даже не заставив отработать положенные по закону дни.

Само увольнение Меф помнил, как состояние обморока штангиста. По ощущениям, он с раннего утра крутился в безвоздушном пространстве, согбённый в позу эмбриона и назад головой. Поэтому восстановить последовательность происходивших с ним событий, даже изрядно поднатужившись, не мог от слова «никак». Единственным светлым пятном было то, что, приехав домой по окончании мороки, в состоянии нервной энтропии он пошёл выбрасывать мусор на улицу, чего с ним, в силу наличия в доме мусоропровода, отродясь не случалось. Следующим кадром в памяти всплыла огороженная со всех сторон и окрашенная тёмно-коричневый краской контейнерная площадка, закрытая на распашные металлические двери. Меф размотал проволоку, отворил створки и прошёл вглубь. Определив по месту назначения пакеты с мусором, в которые он сгрёб всё, что могло напомнить ему хоть что-то с недавней работы, его глаза упёрлись в стоявшую на бортике кирпичной кладки запечатанную бутылку шампанского. На улице вступал в права знойный август, традиционное время катастроф и катаклизмов. Уличное марево душило нещадно, так что выпить хоть

что-нибудь показалось тогда Мефу весьма и весьма неплохой идеей. Он подошёл и взял бутылку в руки. На её этикетке курсивом под ручную вязь красовалась лишь одна фраза «С Новым Годом!», более никаких опознавательных знаков на бутылке не было. Фодя машинально сунул её подмышку и направился в сторону подъезда. Ещё поднимаясь в лифте, он, исходя из принципа «будь, что будет», решил приговорить шампусик дома, хотя не пил перед этим года три. «Не просто так же мне её послали?», – оправдывал перед совестью такое своё решение Меф.

Войдя в квартиру, он, первым делом, не разуваясь, судорожно содрал с горлышка бутылки фольгу, раскрутил мюзле и, отпустив пробку в потолок, в два приёма, давясь пеной, осушил содержимое до дна. С последним глотком на смену послевкусию от произошедшего к нему вернулся вкус к жизни. «Полусладкое», – вслух определил Меф, оставил опустошённую бутылку у двери и, пройдя на кухню, жадно закурил. с четвёртой затяжки его отпустило, и события последних недель показались кошмарным сном, рассказанным у пионерского костра. Меф не любил вспоминать эту историю, слишком много знакового, таинственного и недодуманного было в ней. Единственное, что он полностью из неё вынес, так это ещё ни разу не подводивший его принцип – в любой ситуации «быть или не быть» поступать по присказке «эх, была-не была». Тем не менее, сейчас, когда прошлое спонтанно и самовольно заполнило все уголки сознания, Ме-

фа отпустило. Не с четвёртой затяжки, но полностью, в соответствии и по сценарию событий того дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.